

Эстетическое чувство

Мы с Кристиной приехали в приют с необычной миссией. Сегодня мы не выгуливаем собак, а провожаем котёнка Горошка домой.

В приюте будущих хозяев разглядывают под микроскопом. Поразглядывают, пока те таскаются к запримеченному животному, а потом, взвесив, одобрив и сунув документы для заполнения, ещё приезжают к ним домой. «Догонят и ещё поддадут».

До сих пор Кристина ездила к людям в одиночку.

– Ты дурная? – спросила я, узнав об этом. – Ездила-то хоть с битой наперевес?

Кристина мотает головой.

– До сих пор это были девушки, а сегодня – парень. Вроде в МГУ учится, но всё же лучше, если я возьму тебя с собой.

– На кого хоть учится-то?

– Ой. – Кристина вдруг смеётся. – Я забыла спросить. Зато он успел уточнить, что идёт на красный диплом. Никитой зовут.

В приюте мы ждём ломоносовского отличника полчаса, потому что он проспал.

– А знаешь, – говорю я, – как раз будет чем убить время. Делаем ставки, на кого он учится: я за журфак. Не знаю, кто ещё мог бы позвонить в три часа дня и сказать, что проспал и потому опоздает.

Кристина тем временем прихорашивается, стоя у зеркала над раковиной в углу. Зеркало маленькое и в белых разводах – похоже на зимние узоры в окнах; правда, сейчас поздняя весна, и узоры бутафорские. Наши обычные походы в приют всегда сопряжены с рабочими комбинезонами, хозяйственными перчатками и дурацкими хвостиками на головах, так что энтузиазм Кристины мне хорошо понятен. С видом человека, дорвавшегося до прекрасного, она рисует

в гладких рыжих волосах пробор, а вокруг чёрных глаз – розоватые сумерки.

– А я ничего не буду загадывать, – отзывается она, подставляя морозным узорам то одно, то другое плечо. Получается почти в ритме частушек. – Зато, если это не журфак, покажу на тебя пальцем и громко скажу: «Ха-ха, ты стереотипно мыслишь».

– Тогда начинай репетировать – как раз вон зеркало рядом.

Наконец, ей звонит Никита: он подошёл к воротам и не знает, куда идти дальше. Кристинка круто разворачивается, роняет лаконичное «Нормально?» (при этом показывая на свои губы цвета вишнёвой пастилы) и бежит встречать гостя.

Никита оказывается высоким парнем лет двадцати и в красных штанах: видимо, так он привораживает будущий диплом.

– Простите, извините, – несколько громоздко выражается он. – У меня соседи бешеные, и я сплю с ватой в ушах. И будильник не слышу...

– О, смотри-ка, кто пришёл! – В дверях офиса появляется тётя Глаша, неся на руках главного героя дня – Горошка. Сейчас она обращается к нему. – Этот дядя будет тебя воспитывать...

«Ещё вопрос, кто кого будет воспитывать», – думаю я про себя, вспоминая своих пушистых оболтусов. Но Никита и Горох впервые смотрят друг на друга – один умилёнными серыми глазами, другой обалделыми голубыми – и по неопытности оба верят, что всё будет именно так.

Никита оставляет приюту копию паспорта, извлекает из красного заднего кармана мятую мелкую купюру (древняя приютская примета – живое существо нельзя отдавать совсем даром), а затем достаёт из рюкзака другую купюру – новую и покрупнее:

– А вот – приюту от нашего студсовета.

Пока тётя Глаша растроганно хлопает ресницами, Никита расписывается в журнале: мол, в случае крайней несовместимости с питомцем обязуется вернуть его в приют.

– Ну, обратно он точно не отправится, – заявил он. – У меня есть кому делегировать. Хотя я не очень представляю,

какие такие обстоятельства... Разве что крыс у меня живёт, Фёдор Михалыч. Но он, во-первых, в клетке, а во-вторых, сам тот ещё задира.

Мы едем на метро к Никите: он несёт котоноску, из которой голубые глаза говорят нам: «Ух! Тогда, в офисе, я и обалдевать-то не начинал!..»

*

Дома у Никиты – рыжий паркет, обои в одуванчиках, а из комнаты слышен деловитый шорох попеременно с грохотом – как будто кто-то шатает железную клетку.

Мы проверяем паркет на отсутствие щелей, общаемся с Фёдор Михалычем, а Кристинка в пятый раз спрашивает, помнит ли Никита, что окна нужно плотно закрывать.

– Ты всё это читал? – вдруг спрашивает она, оглядывая гору книг у стены. Книжки лежат неравномерными стопками, и вся залежь напоминает звуковую дорожку.

– А, – отмахивается Никита, – да это ещё с тех времён... Ну, пока электронные читалки в моду не вошли.

Я пытаюсь сообразить, в каком возрасте он тогда был. А главное, сколько ещё успел прочесть с чёрно-серого экрана.

– А как Горошка назовёшь... то есть переименуешь? – спрашивает Кристинка. Кличка «Горох», не слишком поэтичная сама по себе, вдобавок искажает факты: шерсть у котёнка не в крапинках, а скорее в пятнах-разводах. Но кличка «Развод» почему-то никого в приюте не устроила.

Никита мечтательно смотрит на лампочку, болтающуюся на хлипкой проволоке посреди комнаты. – Я решил, что он будет... Джованни. Я просто очень люблю «Декамерон».

Мы дружно киваем, стараясь сохранять серьёзный вид. – У меня было несколько вариантов, – продолжает он. – Джузеппе, Бернардо и Федерико. Последние два, правда, из мира кино...

Тут я со спокойной совестью ржу на весь этаж. А Кристинка медленно переводит взгляд на ту же лампочку под потолком. Может, это она так влияет на жителей квартиры?..

– Так ты литературовед? – вспоминаю я наш с Кристинкой спор о Никитином призвании. – Или журналист всё-таки?

– Да не. Это так... просто увлекаюсь. На мехмате учусь.

– Обалдеть, – делаю я единственно верный вывод. Тут Кристинка будто приходит в себя.

– Да. Ты большой молодец, – декламирует она, как школьница на Дне учителя. – Спасибо тебе за Горо... за Джованни, и удачи вам обоим.

– Вас, может, проводить? – спохватывается Никита. – А то тут контингент бывает неинтеллигентный.

– Да не надо, светло ещё. Вы лучше начните знакомиться. Джованни, пока! – машет Кристинка двумя руками.

Джованни тем временем оправился от стресса и увлечённо дерёт обои в углу.

*

По дороге домой мы делаем вылазку в кафе: время обеденное. Кристинка вечно голодна, как все студенты. Её любимые две фразы – «Я сейчас буду всё это уминать!» до трапезы и «Желудочек доволе-ен!» – после. О том, что «желудочек» – это вообще-то немного другое, она и слышать не желает.

– Крестюш, а ты ничего не забыла?

– А?... – Кристинка слишком занята, чтобы думать о чём-то, кроме своего оливье.

– Ну как же? «Ха-ха, Алька-стереотипщица!» Давай, с выражением.

– А, это. Ладно, живи. А Никита крутой.

– Крутой, – согласилась я. – Кстати о стереотипах. Ко-е-что мы сегодня всё-таки сломали.

– Например?..

– Ну вот какое впечатление производит Никита? Какой ярлык ты бы на него налепила? Задира, эстет, ботаник..

– А! – Кристинка машет двумя руками там, где в воздухе, по её мнению, пролетело слово «эстет». – Определённо! С культурой у него всё в порядке и даже слишком!

– Вот-вот. А стереотип каков? Если эстет хочет завести животное, то чего от него ждут?..

Кристинкины чёрные глаза одновременно по-лисы хитры и по-беличьи добродушны. Сейчас она их щурит, так её лицо становится насмешливо-жёстким.

– Ну да... Брать там у этих... За деньги...

Слово «заводчик» она за обедом, видимо, произносить не желает.

– А Никита?

– Угу. – Кристинка даже засобиралась. – Придумал эстетскую кличку. Джованни! В общем, доедаем и двигаем по домам. «Декамерон» хочу почитать, а то стыдненько что-то.

Принцип Феррари

– Вот стерва, – говорит Кристинка. За вёдрами слышен шорох.

– Да ладно, она до бакалеи не доберётся.

– Угу. Я про свой комбинезон тоже так думала.

Предыдущий Кристинкин комбинезон крысы пожрали, когда она оставила его в шкафу на хранение.

– Да пожрали – ладно! – отмахивается она. – А вот что нагадили – оттого и сменила. Дело принципа.

– Если честно, – говорю, – мне их жалко. Они не виноваты, что живут. А их травят.

Кристинка пожимает плечами. – Жалко, конечно. Но – собаки важней. Так что извиняйте.

– Ты сейчас похожа на тех снусмумриков с ярмарки. Которые... что сказали?

Её глаза снова уязя в недобрый улыбке. – О-ой, не напоминай. Бесит.

«Лучше бы о людях заботились!» – фраза, которую мы обе слышали в разные периоды жизни и из уст разной степени интеллигентности. Хотя, помимо приюта, у нас ещё целый набор активностей, о которых говорить нескромно, но, может, кого-то к чему-то подтолкнёт. Я, например, сдаю кровь, а Кристинка катается в калужский детдом и переписывается с тамошними детьми по бумажной почте.

Я не хочу сказать, что люди, не любящие животных, сами по себе черствы или жестоки. Нет, у меня много знакомых и друзей, которые особых чувств к животным не испытывают, но к нашему начинанию относятся с добротой.

Я говорю именно о тех, кто делает замечания. Кто пытается быть благородным за чужой счёт.

– Ну вот на них и похожа, – продолжаю я глумиться над Кристинкой.

– Аль!!

– Девчат, не ссорьтесь, колготки порвёте!

Это в офис с заднего двора зашёл Пахом, один из рабочих. Слово «колготки» он произносит фрикативно, по-южному.

Пахом долговязый, крючковатый, у него очки Джона Леннона и шевелюра Бетховена, только поскромнее и поседее. Имя ему идёт и не идёт одновременно.

Родом он откуда-то из Краснодарского края, но однажды приехал в Москву и поселился в приюте. О себе он говорит, что когда-то был музыкантом. На мой вопрос, что он слушает, он ответил:

– «Айрон Мейден» уважаю!

И браво мотнул головой.

Пахом – единственный приютский рабочий, который действительно любит животных. Остальные – рабочие, не волонтеры – к ним равнодушны, ну или делают вид.

– Вот только вы не начинайте, – просит Кристинка. Пахом садится на стул, положив ногу на ногу – из-за длины ног ему приходится осторожничать, чтобы ничего не покрушить. Уже стемнело, собаки покормлены, и можно покурить и с нами потрещать.

– А я вам вот что скажу, – он с «примой» в зубах достаёт спичку, прикуривает и дирижирует спичкой в воздухе, гася огонь и разбрызгивая запах серы. – Про это есть анекдот.

Мы почтительно замолкаем.

– «Ты пиво пьёшь? – Пью. – А сколько? – Пинту в день. – Сколько стоит пинта? – Полтос. – А Феррари стоит много полтосов. То есть, если бы ты вместо пива много дней откладывал по полтосу, то... – А ты пьёшь пиво? – Нет. – Ну и где твой Феррари?»

Кристинка кивает, я смеюсь.

– Фу, Пахом! Это же заезженная хохмочка. И культ потребления какой-то.

Пахом выпускает тоненькую, насмешливую струйку дыма. – Да при чём тут... Вот она поняла, – показывает на Кристинку. – А? Поняла-а.

– Да-да, – Кристинка даже покраснела. – Вот я им этот анекдот и расскажу. Типа: вы-то на уютное время не тратили, а потратили на что?

– Игоряха любил собак... – вдруг говорит Пахом. – Очень любил.

У Пахома погиб сын. Там, на юге ещё, давно-давно. Сорвался со скалы в море, мечтательный... двенадцатилетний.

Сейчас бы ему было примерно столько лет, сколько нам. Всё это невообразимо и рвёт на части; поэтому неловко, неуместно, невозможно думать о том, почему Пахом с женой не смогли остаться вместе.

Тогда-то он и продал квартиру, раздал долги и навсегда перебрался на койко-место за пыльными окнами и стенами лая – лая тех, кого так любил его сын.

Может, поэтому-то он сам их и полюбил...

Его историю знают все. Видимо, в отношении к себе он что-то чувствует, потому что в воспоминания ударяется часто и подсвечивает их изнутри ободрением: ну чего вы? Не бойтесь говорить об этом со мной. Я не стеклянный. Я сам хочу.

– Так что, Кристюнь, ты даже не думай. Одно тянет за собой другое... Да что я рассказываю – сама ведь знаешь. Всегда можно совместить и Феррари, и бухло. Ну, в смысле...

– Да понятно! – машем мы руками.

Крыса тихонько шуршит за завалами. Мы её не трогаем.

«Одно и то же слово – свобода...»

– Бульба, седи!!

Бульбе чистят уши. Полина – ветеринар лет тридцати с длинной русой косой – орудует ватной палкой в чужом ухе. Бульба – молодая полубойцовая сука (так дипломатичная Полина коверкает это слово) – проветривает язык и пытается улизнуть от нас сидя: елозит по полигону.

Мы с Кристинкой вдвоём её удерживаем: при среднем росте у Бульбы круп как у быка и полностью отсутствуют какие-либо тормозные механизмы. Она угловата, неуклюжа, и даже песочно-жёлтая шерсть будто стрижена машинкой, из-за

чего она напоминает неофеминистку. Когда Бульба носится по полигону, одно её ухо стоит на посту, а язык и второе ухо развеваются, как флаги красногвардейцев.

Полина делает плановые прививки и рассказывает восхитительные истории. Куртка у неё задралась, и из-под джинсов выглядывают колготки. Сейчас ноль градусов и ветер; я часто наблюдаю у врачей такую халатность к самим себе.

– Я однажды, – рассказывает Полина, – назвала её Чумой болотной. А рядом Пахом сидит. Так вот он, видимо, не слышал. На другой день прихожу, а там он с ней. И ласково так: «Ну, Бульбочка, ты моё чмо болотное!»

– Да всё он расслышал, – говорю. – Не сомневайся.

Мы ведём Бульбу через офис к воротам: ей предстоит прогулка в чистом поле.

– Страшно-то как! – ёжится Кристинка. – С Бульбой-то! Она ж неуправляема!

Когда уже и Кристинка говорит про неуправляемость, можно считать, что настал судный день.

– Ничего, – говорит Полина. – Пятнадцать минут позора – и победили.

Бульбу собираются дрессировать. Полина договорилась на несколько встреч с кинологами: дрессированным собакам легче найти хозяев. Но пока что мы делаем пробный выгул: Бульба должна привыкнуть к пространству без стен.

– Э, была не была, – Кристинка с древнерусской тоской разводит руками. – Отпирай, Аль.

Я звякаю замком. Полина крепко намотала поводок на запястье и держит Бульбу чуть ли не за шкуру. Кристинка боится впереди.

Лязг бордовых ворот. Момент истины.

Бульба смотрит направо, смотрит налево, смотрит на нас троих как на кретин и застывает Энгельсом на постаменте.

– Чего с ней? – спрашиваю. – Куда понты делись?

Кристинка легонько дёргает ошейник. – Да страшно ей. Помнишь, ты про кота своего то же самое рассказывала? Дома орёт, а у ветеринара – только глаза из морды смотрят.

В поле мы ослабляем поводок. Бульба слегка виляет хвостом, ходит вокруг нас поступью тургеневской барышни, изящно подпрыгивает и улыбается.

Бульба.

Неуклюжая полубойцовая неофеминистка Бульба. Чмо болотное.

Изящно подпрыгивает и улыбается.

– Ну вот, вроде акклиматизировалась, а понтов всё нет.

– У неё просто душа широкая! – смеётся Кристинка. – В приюте жмёт, вот она и бесилась. А здесь и бунтовать не с чего.

Полина кивает. – А что она сперва напугалась – ну что ж, это нормально. Это ж, считай, попасть из крайности в другую, из клетки в неизвестность. Потом до неё дошло, что с нами и безопасно, и, хм... привольно. И дзен накатило.

Мы гуляем с кокетливой буддисткой Бульбой по рыжему предзакатному полю.

Все счастливы.

*

Всюду жмут тиски. В приюте – стены, на улице – страх. Вот почему и приютские, и бродячие собаки никогда не будут по-настоящему свободны.

Провести их по узким подмосткам, где есть и страховка, и горизонт, – покой и воля! – может только человек.

Впрочем, всё это хорошо знакомо и нам. Одни и те же подмости.

... Одно и то же слово.

То самое.